18+

Алексей Беляков

АРЧИ

И ДРУГИЕ РАССКАЗЫ

Алексей Беляков

Арчи. И ДРУГИЕ РАССКАЗЫ

«Издательские решения»

Беляков А.

Арчи. И ДРУГИЕ РАССКАЗЫ / А. Беляков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-963175-6

В книге собраны рассказы и очерки автора, написанные в разные годы. Они не только рассказывают о его жизни, семье, друзьях и многочисленных путешествиях, но и заставляют задуматься о происходящем вокруг нас, взглянуть на мир глазами автора.

ISBN 978-5-44-963175-6

© Беляков А.
© Издательские решения

Содержание

АРЧИ 6
Друг 7
Первое знакомство 9
Новый жилец 11
Лужи 14
Уши 16
Диван 17
Первый заплыв 18
Рюкзак 21
Вперед смотрящий 22
«Тюлень» 24
Еда и яма 26
Колбаса. «Лисица и виноград» 27
Яма 28
Поэтажник или подбалконик? 30
Банка 32
Спринтерский день 33
Храп 34
Наводнение 36
Ружье 37
Конец ознакомительного фрагмента. 39

Арчи
И ДРУГИЕ РАССКАЗЫ
Алексей Беляков

Ольга Владимировна Гребенникова *Редактор*
© Алексей Беляков, 2019
ISBN 978-5-4496-3175-6
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

АРЧИ

Здравствуйте, будущие мои читатели! Да, да, именно будущие. Ведь это повествование к моменту, когда я его закончу, и оно окажется в ваших руках, для меня будет прошлым. Читая его, вы будете представлять нас молодыми и беззаботными, переживать те чувства и эмоции, которые мы переживали тогда. И завидовать нам. Но стоит ли? Мы вчерашние совершенно не похожи на нас сегодняшних. По утверждению ученых, биологический цикл обновления большинства клеток человеческого организма происходит каждые семь-десять лет. За этот период меняются не только клетки, но и мы сами: наш характер, потребности, взгляды на жизнь. Мы становимся опытнее и мудрее, а наше прошлое становится частью истории, как, собственно, и те события, о которых я рассказываю. Но, может быть, именно они и делают нас такими, какие мы есть? Кто знает?

Вся наша жизнь состоит из коротких отрезков времени, которые мы связываем с теми или иными событиями: школа, университет, женитьба, рождение ребенка, смерть близких людей. Но в какой-то момент, наверное, когда мы становимся старше, она превращается в непрерывный поток совершенно не значимых событий. Они сменяют друг друга, подобно временам года и мы не замечаем их, как смену сезонов. Только редкие фотографии напоминают, что они действительно были.

Как ни странно, но однажды я осознал, что большинство событий, произошедших со мной, так или иначе связаны с домашними питомцами. Они настолько глубоко вросли в мою жизнь и жизнь моей семьи, что именно по ним я отмеряю и периоды своей жизни.

Друг

– Так о чем же твой рассказ? – поинтересуется нетерпеливый читатель.

– Он о собаке.

– И только? Зачем же такая прелюдия?

– Нет, не только. Это рассказ о моей первой собаке, которая была полноправным членом нашей семьи и осталась им даже после того, как ушла в мир «вечной охоты».

Это рассказ о ДРУГЕ.

– Я хочу подарить тебе собаку, – сказала моя жена Ольга на следующий день после свадьбы, – ведь я знаю, как ты ее хочешь. Считай, что это будет наш свадебный подарок.

– Собаку? – удивилась мама. – Уж лучше бы ребенка завели. Отец точно будет против.

Мы смущенно помалкивали.

О собаке я, молодой охотник, мечтал давно, и мы подолгу рассматривали картинки в книжках и фотографии охотничьих собак, решая, какую именно породу можем позволить себе завести. Наше поколение выросло на советских сериалах о колли Лэсси, овчарке Шарике из «Четырех танкистов» и, конечно, на фильме «Белый Бим черное ухо» с Вячеславом Тихоновым. Это уже потом, став старше, я прочитал «Белый Бим черное ухо» Троепольского, «Войну и мир» Толстого и «Записки охотника» Тургенева. А тогда мое представление о всём многообразии пород охотничьих собак было весьма туманным.

Глаза мне открыл мой друг Глеб, который, приведя меня однажды в охоту, стал снабжать литературой и увлеченно рассказывать про охоту. Я же, как губка, впитывал эту информацию, зачитываясь книгами и слушая рассказы друга. Главный же вывод, который я сделал из всего услышанного – без собаки это не охота.

В семье Глеба все мужчины были охотниками и из поколения в поколение держали дома изящных легавых – красных ирландских сеттеров. Рассказами об этих удивительных собаках был наполнен их дом, а Глеб, выросший с ними, не представлял свою жизнь без этой породы. Мне же, хоть и хотелось легавую собаку, трудно было представить ее в нашей девятиметровке. В комнате, где нам с женой с трудом хватало места.

Мечта детства о лайке уступила место более зрелым соображениям. Уже тогда я понимал, что как бы я не хотел провести свою жизнь в научных экспедициях и многочисленных командировках, все равно она будет связана с городом. И для такой вольной собаки, как лайка, я не смогу создать нужные условия. Другое дело подружейная собака для охоты по перу. Легавая или спаниель. Но легавая казалась мне слишком крупной и сложной в натаске собакой, которую я просто не смогу воспитать как должно. А вот спаниель – маленький, дружелюбный и послушный товарищ по охоте. Уж с ним-то я точно справлюсь!

Представляю, как бы посмеялись надо мной опытные кинологи, выскажи я им тогда свои соображения. Но подсказать было некому, и я решил остановить свой выбор на русском охотничьем спаниеле. Конечно же, кобеле, о собаке женского пола я даже и думать не хотел. Ведь разводить спаниелей я не собирался, да и течки два раза в год меня откровенно пугали. Мне нужен был друг и попутчик на охоте, а им мог быть, по моему мнению, только кобель. Сколько раз потом я вспоминал все эти мои рассуждения и «неоспоримые» доводы? Какой же я был наивный! И, тем не менее, если бы сейчас я оказался на месте себя того, молодого, то поступил бы так же. Вы удивитесь, почему же с тех пор я завожу только сук? Наверное, боюсь, что ни один кобель уже не сможет быть таким же верным другом, как был мой Арчи.

Да, да Арчи. Именно так мы назвали маленькое беленькое создание с рыжей головой и рыжими длинными ушами. Уши эти стоят отдельной истории, но к рассказу о них я вернусь немного позже. Почему Арчи? На самом деле его полное имя, записанное в родословной, звучало гордо – Арчибальд, но в жизни он был Арчи, Чухин, «несносный кобель» и множество

других лестных и не очень эпитетов, которыми мы награждаем наших собак в разные эмоциональные моменты жизни.

Первое знакомство

Поиски щенка были целенаправленные. По моему мнению, щенок должен был быть с хорошей охотничьей родословной и от рабочих родителей. Это я знал твердо. Поэтому поездки на Птичий рынок, расположенный тогда еще на Калитниковской улице, постоянным посетителем которого я был еще с детства, и разглядывание симпатичных щеночков непонятного происхождения, называемых спаниелями, вызывали у меня большой скепсис. Жена брала их на руки, ласкала, прижимала к себе со словами: «Ну, посмотри, какой он классный». Я же в ответ кривился, корчил кислые мины, но стоял на своем – щенка надо брать через охотобщество. В то время я уже состоял в охотколлективе Биологического факультета МГУ Московского общества охотников. И все поиски хорошей собаки сводились к посещению отдела охотничьего собаководства, очень удобно расположенного на станции метро Университет, через которую я ежедневно проезжал на учебу. В помещении отдела, увешанного фотографиями различных пород собак, стенгазетами с выставок и полевых испытаний, в углу стоял письменный стол с многочисленными канцелярскими папками. В папках хранилась и постоянно пополнялась информация по каждой породе охотничьих собак, о вязках, народившихся щенках, их родителях и, конечно, телефонами заводчиков. Я набирал кучу этих телефонов и по приезде домой начинал обзванивать потенциальных «родителей» своей будущей собаки. Но либо щенки уже все были разобраны, либо в помете оставались только сучки. Так продолжалось, пока не я не нашел тот самый выводок, который меня интересовал, и не поехал «на смотрины» в подмосковную Малаховку. Именно на смотрины, поскольку, как меня убеждали, сначала щенка надо выбрать и оставить за него залог.

Я не помню во всех подробностях ту свою поездку. Еще бы, ведь это было так давно. Мне было всего двадцать пять, я был молод, наивен и самонадеян, как все молодые люди этого возраста. Мне казалось, что я могу свернуть горы, «только дайте во что упереться». Опыта в выборе щенка у меня не было никакого, кроме советов более опытных товарищей и прочитанной литературы, но я был уверен, что у меня все получится.

Не прошло и часа, как я уже сидел на стуле в квартире заводчика и тупо разглядывал бродящих у моих ног месячных щенков, совершенно не понимая, кого из них выбрать. Все они были абсолютно одинаковые, как мне казалось, и больше интересовались друг другом и окружающими вещами, чем мной.

– Эти две девчонки, – сказал гостеприимный хозяин, забирая из большой компании двух крох, – так что на них даже не смотри. А вот эти три – парни.

– Ну, может быть вот этого, – сказал я неуверенно, показывая на одного из щенков.

Видя мои сомнения, хозяин вздохнул и, подхватив на руки совсем другого щенка, сказал:

– Возьми вот этого. Видишь, какой активный и крепкий.

– Хорошо, – ответил я, принимая из рук в руки юное создание.

Это был коренастый лопоухий малыш, который сразу мне приглянулся.

– Давайте я тогда вам задаток оставлю за него, – сказал я, доставая деньги, – а через недельку за ним приеду, когда документы будут готовы.

– Зачем? – возразил хозяин. – Ты его сейчас забирай, чтобы никто другой не взял. Когда документы будут готовы, я тебе позвоню и их передам.

Я слегка опешил, поскольку был совершенно не готов к тому, что мне придется вернуться домой с щенком. Ни подстилки, ни миски, ни еды у меня еще не было.

– Не переживай, я тебе все объясню. А потом еще книжку дам. Хорошая книжка. Там отлично написано про воспитание ворсов.

– Кого? – не понял я.

– Ну, русских охотничьих спаниелей, их сокращенно так называют.

– Да я даже ничего и не взял, чтобы щенка везти.

– Я тебе все дам. За пазуху посадишь и по апрельскому солнышку до электрички доберетесь. Не замерзнете.

Честно скажу, всю дорогу, пока мы ехали до дома, я боялся, что щенок надует лужу прямо мне за пазуху. Но тот мирно проспал полдороги, а когда проснулся, то стал лизать меня в нос, с любопытством выглядывая из-за ворота куртки. Ни одна другая собака никогда так дружелюбно и ласково не лизала меня в нос. Может, я с годами стал черствее, а, может, это было тогда в первый раз, но я был счастлив и улыбался, не скрывая этого от окружающих.

До сих пор помню его запах – запах молока. Да, да. Не псины, не детской мочи, а именно молока. Парного молока. Возможно, я покажусь вам странным, но у меня многие запахи вызывают определенные ассоциации. Запах талой дорожной грязи и сырости, воспоминание о приближающейся весне. Запахи слежавшейся листвы поздней осенью, возвращает меня в грибное лето. А запах коровьего навоза, принесенного ветром с соседней фермы, вызывает совсем не тошнотворную реакцию, а напоминает аромат парного коровьего молока. Возможно, это воспоминания моего детства, проведенного в деревне среди домашней скотины, колосящихся нив и лесных просторов. Не знаю. Запах же маленького щенка связан для меня только с молоком и его матерью.

Новый жилец

Моя молодая жена была крайне удивлена, когда увидела, как у меня из-за пазухи высовываются черная бусина носа и два озорных глаза.

– Ты же собирался только посмотреть, – сказала она строго.

– Так получилось, – ответил я, выпуская на линолеум нашей маленькой комнаты нового жильца, на который он тут же излил все, что думал о ее размерах.

Жили мы тогда довольно тесно, но дружно. И, хотя квартира состояла из четырех комнат, она считалась малогабаритной, что было и неудивительно. Внутреннее пространство квартиры открывалось маленькой прихожей, которая была тем самым камнем на распутье трех дорог. Налево она приводила в коридор, настолько узкий, что идти по нему мог только один взрослый человек, почти касаясь плечами стенок. Плавно перетекая за угол, он превращался в крошечную кухню, перед входом в которую открывались двери в туалет и ванную.

Справа у входной двери стояла тумба, а над ней висело большое зеркало. А рядом с зеркалом открывалась дверь в большой мир: гостиную с диваном, креслами и стенным гарнитуром, из которой можно было попасть в еще две маленькие комнаты.

Третья дверь из прихожей располагалась точно напротив входной двери и приводила в нашу комнатушку. И хотя прожили мы в ней сравнительно недолго, по сравнению с нашей будущей жизнью, именно здесь родилась наша молодая семья. В нашей комнате слева у двери стоял платяной шкаф, а следом за ним раскладной диван, раздвигающийся до самой противоположной стены. Нет, не подумайте, что диван был такой огромный. Напротив, это комната была крохотная. У правой стены стоял книжный шкаф, и на стене висели в ряд полки с книгами. Окно занимало практически всю стену напротив двери, а пространство под ним располагался самодельный складной стол-подоконник, который я соорудил еще мальчишкой.

Место для Арчи мы сделали из мягкой детской пеленки и положили его между платяным шкафом и диваном так, что даже ночью я всегда мог протянуть руку и погладить его. Ни для кого не секрет, что большинство щенков, попадая в чужой дом, скулят и ищут маму. Арчи не скулил и не искал. Он как-то сразу принял нас всех, как свою большую стаю, и ко всем относился с большой симпатией и любовью. Я же с первых дней нашей совместной жизни пытался его воспитывать, крича и наказывая по поводу и без повода, часто вызывая негатив у окружающих. Каюсь, был молод и глуп, и многого не понимал в воспитании собаки. Возможно, я таким бы и остался, однако, именно благодаря Арчи, я стал по-другому относиться к воспитанию. Иногда меня посещает мысль, что мой сын должен быть благодарен псу за то, что не он оказался первенцем в нашей семье, и все синяки и шишки достались не ему, а этому упрямому, но терпеливому кобелю.

С первых шагов по нашему дому Арчи стал всеобщим любимцем. Даже мой отец, который сильно возражал против появления собаки в доме, с первого взгляда «растаял» и полюбил его. Это для меня было очень важно. Я с малых лет очень любил и уважал своего отца, и в то время его мнение имело для меня очень большое значение. Поэтому я не скрывал своих переживаний – а вдруг он не одобрит, что тогда делать? Но он только улыбнулся и махнул рукой: «Пусть остается»! И мы облегченно выдохнули.

Главной же любовью Арчи была моя мама, и эта любовь была взаимна. Как только она его не баловала. Никакие уговоры и сетования на воспитательный процесс с нашей стороны не имели успеха. Мама, которая окружала любовью всех, кто оказывался с ней рядом, отдавала часть себя и собаке. И пес души в ней не чаял.

Стоило маме войти в квартиру, как с Арчи случался взрыв счастья: он скакал, крутился под ногами, пытался поставить лапы на любимую хозяйку, все это время беспрерывно вращая

хвостом. Однажды дошло до того, что пес, как молодой козленок, запрыгнул на обеденный стол, а спрыгнув с него, сам был сильно удивлен своему поступку.

Главный же, кто воспринял появление собаки в доме, как личное оскорбление, был кот. Еще бы. Он жил в этом доме столько лет и считал себя в нем хозяином и тут вдруг новый жилец. Не порядок.

В первый вечер мы решили не выпускать щенка из нашей маленькой комнаты, чтобы он не бродил по всей квартире и не мешался под ногами. К тому же, это была попытка спрятать его на первых порах от отца. Кот же сразу почуял неладное и стал чуть ли не по-пластунски передвигаться по коридору вдоль нашей двери, стараясь заглянуть в узкую щелочку под нее: где-то там жил новый зверь, и ему было ужасно любопытно. Их первое знакомство произошло в большой комнате, когда собралась вся семья. Мама и отец сидели в креслах, а кот вальяжно возлежал посреди комнаты, когда мы выпустили Арчи для знакомства с окружающим миром. Кот, не меняя позы, приподнял голову и замер. Щенок же с детской непосредственностью направился прямо к нему, но, перешагнув через распластанное тело удивленного кота, направился дальше обследовать новые пространства. Кот этого простить не мог. Он забрался на подлокотник кресла, улегся на нем и уже оттуда стал ловить проходящего мимо Арчи. При встрече с когтистой лапой щенок взвизгивал, тряс головой, но продолжал следовать дальше. Больше всего я переживал, что кот зацепит щенку глаза, но мои опасения были напрасны. Как маленький ребенок всегда падает на «мягкое место», так и щенок постоянно подставлял под удар менее ранимую часть тела. А может это кот играл, показывая «кто в доме хозяин», но не стремясь травмировать малыша.

Лужи

Первые месяцы, пока у щенка не было прививки, нам предстояло как-то решить проблему с лужами. Опасаясь за его здоровье, мы его еще не выгуливали и решили попробовать вариант с кошачьим лотком, который установили в комнате. Вместо классического кошачьего лотка с высокими краями и сыпучим наполнителем мы решили использовать фотолоток для проявителя и фиксажа, которые продавались в каждом фото магазине. Во-первых, он был значительно мельче, и щенку, как нам казалось, было легче в него забираться, а во-вторых, я с детства увлекался фотографией, и этого добра у нас дома хватало. Вместо наполнителя мы использовали обычные газеты, которыми пользовались практически все любители кошек в то время. Это сейчас впитывающий кошачий наполнитель продается в любом зоомагазине. Тогда же он был большой редкостью, да еще и недешевой.

Как только щенок собирался надуть лужу, я хватал его и тащил в этот лоток. Если же он делал это в другом месте, то ругал, тыкал носом в лужу со словами «нельзя, нельзя» и нес в лоток. Тогда мне казалось, что это очень правильный метод. Не думаю, что мои наказания имели большой эффект, поскольку лужи появлялись в самых неожиданных местах. Но, тем не менее, через какое-то время пес понял, чего от него хотят. Скорее всего, сказалось не столько наше упорство, сколько стойкий запах мочи, скопившийся в одном месте. Арчи шел на запах и находил лоток. Он обнюхивал его и, поставив передние лапы непосредственно в лоток, а задние оставив на полу, делал лужу рядом с ним, гордо глядя в нашу сторону и ожидая похвалы. А мы хватали тряпку и спешили перехватить поток жидкости, затекающий под книжный шкаф. Ругать щенка было не за что – получили то, что хотели, но в слегка искаженном виде.

Уши

Уши у Арчи были выдающиеся, хотя не такие пышные, как у кокер-спаниелей, и не такие длинные, как у бассетов, но вполне достойные того, чтобы о них рассказать отдельно. Еще в щенячьем возрасте, во время первой прогулки, стало понятно, что уши живут самостоятельной жизнью.

Квартира наша была на втором этаже советской девятиэтажки и, хотя в доме был лифт, мы предпочитали выходить на улицу по лестнице. На первых же ступеньках пес наступил себе на ухо и взвизгнул. Лапы у двухмесячного щенка были еще слишком короткими, а вот уши длинными, а спускаться вниз по лестнице ему приходилось вниз головой. Болтающиеся уши то и дело попадали под его собственные лапы, так что пока Арчи преодолевал три лестничных пролета до уличной двери, пару-то раз обязательно на них наступал, сопровождая эти моменты музыкальным повизгиванием.

С возрастом и ростом лап эта особенность ушей пропала, зато неизменной осталась их способность к сбору пыли, грязи и, особенно, каши из миски во время поглощения еды. Как только мы с этим не боролись. Пробовали надевать на голову отрезанный с одной стороны женский чулок, но дело это не пошло. Во-первых, псу чулок совершенно не нравился, и он старался избавиться от него лапами, а во-вторых, чулки то и дело рвались, а добывать их в советско-перестроечное время было не так просто. Поэтому мы остановились на бельевой прищепке. Хотя, по правде, это тоже был не идеальный вариант. Уши зажимались прищепкой на загривке собаки, но прищепку надо было подобрать такую, чтобы собаке не было больно и, в то же время, она крепко держала уши. Однако хватало прищепок ненадолго. Стоило Арчи тряхнуть головой, как «держатель ушей» улетал под кровать или кухонную тумбочку, а освободившийся от неприятного предмета пес весело продолжал поглощать еду, обмакивая в нее свои уши. Нам же оставалось только дожидаться окончания процесса поглощения еды, чтобы перехватить насытившуюся собаку от желания вытереться об окружающие стены и мебель, и вымыть уши в ванной.

Диван

Была у Арчи одна интересная особенность – он никогда не лазил на диваны. И это при всей его любви к хозяевам, а по молодости и ко всему человечеству. Стоило псу видеть кого-то, как ему казалось, знакомого, и он радостно подбегал и ставил на него передние лапы. Чем частенько вызывал бурю негодования, особенно если люди оказывались вовсе не знакомыми. Да и знакомых он мало этим радовал, особенно в дождливую грязную погоду. Я боролся с этим, как мог, но безуспешно.

Зато диваны, кресла и кровати Арчи не уважал и предпочитал им свой коврик. Даже когда хозяев не было дома, он никогда не пользовался такой возможностью, а если хотел спать рядом с хозяевами, то подтаскивал коврик поближе к ним. Мне кажется, что его нелюбовь к диванам началась еще с детства. Когда он только появился в нашем доме, всем хотелось его потискать, подержать на руках и поиграть с малышом. Он же всегда рвался куда-нибудь побежать. И как-то раз прыгнул прямо с дивана, на котором остался без присмотра, а упав на пол и сильно ударившись, он только взвизгнул, подскочил и бросился играть дальше. Однако запомнил этот момент и на диваны никогда не лез, даже когда его звали.

Надо сказать, что Арчи вообще очень быстро учился, и не только охотничьей науке, но и бытовым мелочам. Его жизнь в нашей семье пришлась на период частых переездов, ремонтов и квартирных перестановок. И пес довольно быстро усвоил, что если где-то что-то начали двигать, то лучше оттуда быть подальше. Стоило начать доставать книги с верхней полки, как собака уже была в другом конце комнаты. Переставляешь лыжи или достаешь коробку с ботинками со шкафа, а пес уже сидит в кухне и выглядывает из-за угла.

И это его неоднократно спасало. Снимешь коробку со шкафа, она цепляет другую и та летит точно на место, где спит собака. Глядь, а ее там давно нет, она уже отбежала и наблюдает за процессом со стороны.

Так было с чем угодно, кроме еды. Падающую со стола еду он никогда не пропускал. Стоило упасть лакомому кусочку на пол, как он тут же исчезал в желудке ненасытной собаки.

Первый заплыв

Удивительно, но Арчи очень не любил купаться. Нет, он прекрасно подавал с воды сбитых мною уток, но купаться без причины не любил. В этой его особенности я, в первую очередь, винил себя.

Тем летом, когда у нас в семье начал расти щенок, я закончил третий курс Московского университета на Ленинских горах и летом устроился поработать комиссаром (была такая должность в то время на летней практике студентов) на Звенигородскую биостанцию МГУ. Кроме того, мне это было очень удобно, ведь именно в пойме реки Москвы обитало много объектов моей дипломной работы – зеленых лягушек. И я мог в свободное время заниматься своим дипломом. Лягушек я ловил с большим увлечением, чем приводил в восторг случайных наблюдателей, которые стремились принять участие в этом процессе. Ловля происходила так. Пруд, где в изобилии представители мокро-зеленого племени, я находил, ориентируясь на громкое лягушачье «пение» и наблюдение издали. Для тех, кто сталкивался с представителями лягушачьего мира только на страницах сказок или во время прогулок на природе, немного расскажу, как устроен их мир. В наших водоемах обитают два вида зеленых лягушек – прудовые и озерные, хотя их название скорее связано с их размером, но никак не с типом водоема, где они обитают. Так вот, весь пруд или болото, откуда раздается лягушачья песня, разделен лягушками на личные участки, которые они страстно охраняют от соседей. И наказывают любого нарушителя, дерзнувшего пересечь границы участка. На этом и основывался метод отлова земноводных.

Я приходил на пруд с большим сачком на длинной ручке и погружал его под воду. Разворачивал удочку, оснащенную только одним поплавком и забрасывал его точно на то место, где под водой располагался сачок. После чего усаживался на берегу в ожидании, когда его обитатели успокоятся и вновь появятся на поверхности водоема.

Когда лягушки вылезали на поверхность и вновь начинали квакать, я не спеша брал в руки удилище и начинал «поигрывать» поплавком, создавая максимальное волнение воды вокруг. Ближайшие лягушки, заметив возмутителя спокойствия, сразу сбегались со всех сторон, пытаясь прогнать его со своей территории, и оказывались над сачком. Надо было аккуратно, но быстро поднять сачок из воды так, чтобы лягушки не успели из него выскочить.

Арчи, конечно же, везде был со мной. Именно тогда я начал готовить его к первому охотничьему сезону, который, как я надеялся, должен был состояться ближайшей осенью. Особенного опыта в воспитании собаки у меня не было, и я основывался на литературных знаниях, которых хватало не всегда. Все эти азы и непоследовательность действий очень веселили моих однокурсниц, как мне казалось, опытных кинологов, которые тоже работали на станции. Сейчас я понимаю, что было очень смешно, когда я мог с секундным интервалом подать сразу несколько команд: «ко мне», «сидеть», «вперед». Арчи останавливался в недоумении и терялся в догадках, чего же от него хотят? Удивляюсь, как я тогда не испортил четырехмесячную собаку.

Один из элементов, который нам надо было освоить – это подачу с воды. Уже тогда с земли Арчи подавал с удовольствием как свои игрушки, так и специальную поноску. Плавать же он, в силу своего возраста, еще не пробовал. Да, я его и не заставлял. Пока однажды он не поплыл сам. Случилось это совершенно неожиданно для меня. В один из теплых летних дней мы пришли купаться на реку. Москва-река в этой части еще довольно чистая, поскольку до столицы нашей Родины ей предстоит пробежать не один десяток километров, петляя между холмов и поселков Московской области. Речка относительно чистая и быстрая, с многочисленными водоворотами и сильным течением. Не каждый пловец может справиться с ним, что уж

говорить о молодой собаке. Мы с Арчи пришли на пустынный берег и, оставив вещи на деревянных мостках, я с удовольствием окунулся в теплую воду.

Арчи, с интересом наблюдавший за мной, вдруг понял, что остался один, а хозяин удаляется по мокрой стремнине. Вначале он заскулил, призывая меня вернуться, а потом прыгнул с мостика в воду. Я испугался, что он может утонуть и начал грести в его сторону, но не тут-то было. Течение несло меня от щенка, а тот поначалу неумело шлепая лапами по воде, вдруг приобрел горизонтальное положение и поплыл за мной.

– Ах, ты молодец какой! – подбадривал я пса, выгребая к берегу и подстраховывая новоиспеченного пловца.

Когда же мы добрались до берега, и Арчи радостно коснулся его тверди, я вдруг обнаружил, что бока собаки раздуты, как у надувного мячика. «Уж не воды ли он нахлебался», – забеспокоился я и нажал руками на бока пса. В ответ я услышал глухой звук отрыгаемого воздуха. По всей видимости, щенок с перепугу так вдохнул воздуха, что раздулся, подобно воздушному шарику. И это, надо сказать, значительно повысило его плавучесть.

Дальше все было очень прозаично. Я так обрадовался новым способностям своей собаки, что стал заставлять ее подавать с воды, даже когда она этого не хотела, добившись только того, что Арчи очень не любил купаться, даже в жаркую погоду. И хотя брошенную палку или сбитую на охоте утку всегда подавал с воды, делал это исключительно из уважения к своему хозяину.

Рюкзак

С первых дней появления щенка в доме мы стали осваивать самые разные команды, которые должны были пригодиться нам на охоте и дома. «Поскольку собака – классический «русак», в смысле русский охотничий спаниель, – думал я, – то и команды мы будем использовать русские, без всякой иностранщины вроде «тубо», «даун» и «аппорт». И мы стали заниматься. Все по-написанному, как рекомендовали классики охоты со спаниелем. Сначала мы осваивали одну команду, потом другую. И хотя щенок оказался немного упрямым, он был очень сообразительным. К тому же, заниматься ему нравилось, ведь за каждый правильно выполненный урок он получал вкусное вознаграждение. Кроме классических знаний, необходимых собаке на охоте и в быту, я решил научить его спокойно сидеть в рюкзаке. Да, да, именно в рюкзаке. Не в каком-то специальном контейнере для перевозки или клетке, а в обычном брезентовом рюкзаке, который выпускала советская туристическая промышленность.

Надо сказать, что к перевозке собак в метро и общественном транспорте в то время относились более спокойно. Достаточно было, чтобы собака была на поводке и в намордник, но иногда попадались дотошные контролеры метрополитена, которые требовали переноски. Однако совсем не это подтолкнуло меня приучить собаку к рюкзаку. Еще мальчишкой, работая в экспедиции на Дальнем Востоке одного из московских НИИ, я познакомился с охотником, который возил с собой гладкошерстную таксу. Жила она с ним в палатке, а вот во время всех переездов он усаживал ее в рюкзак, завязывал его, и она спокойно там путешествовала, не подавая признаков жизни. С собакой за спиной он ездил в поезде и самолете, ходил в нашей компании по музеям и кафе. Еще тогда это произвело на меня такое впечатление, что через десяток лет я решил научить этому и свою собаку.

Арчи рюкзак понравился. Особенно, когда понял, что его извлечение из шкафа означает путешествие, он с удовольствием забирался в него. Стоило начать раскладывать рюкзак на полу, как он тут же пытался в него залезть, мешая развернуть его полностью.

– Арчи, не мешай, – то и дело повторял я, – сиди и жди.

Пес садился и с трепетом наблюдал, как я расправляю рюкзак.

– Место, – командовал я, похлопывая по рюкзачному брезенту.

Собака бросалась вперед и усаживалась на рюкзак. После этого оставалось вытащить из-под него края и расправить рюкзак под беспрерывное ворчание-рычание Арчи, которым он сопровождал процесс облачения себя тканью и затягивания шнурка горловины. Рюкзак я завязывал на шее собаки так, чтобы он мог озирать окружающий мир. Этого права Арчи добивался довольно долго. Поначалу я сажал его в рюкзак с головой. Какое-то время пес спокойно сидел, но потом, особенно в общественном транспорте, начинал беспокойно и интенсивно ворочаться. Это продолжалось до тех пор, пока его любопытный нос не высовывался через завязки на горловине рюкзака, и не начинал с шумом втягивать воздух. Я сопротивлялся довольно долго, заставляя собаку сидеть в рюкзаке с головой, но, в конце концов, сдался ее желанию видеть все, что происходит вокруг. Куда мы только не путешествовали с этим рюкзаком с торчащей из него головой! Арчи сопровождал меня практически во всех поездках, как лягушка-путешественница, вися за спиной в рюкзаке, отдыхая под лавкой электрички или на полу междугороднего автобуса. Частенько вызывая улыбки окружающих и любопытство попутчиков.

Вперед смотрящий

Первый год нашей семейной жизни мы помогали родителям в строительстве дачи. Мы были молоды, беспечны и стремились к новым путешествиям, иногда совершенно безумным. Одно из них было решено совершить на велосипедах по дорогам Московской области, осматривая местные достопримечательности. Велосипеды наши представляли тяжелое наследие советской эпохи. Именно тяжелое, потому что были сделаны из весьма твердых сплавов и весили довольно много. Причем Ольгин складной «Салют», весил, как мне казалось, даже тяжелее моего «ЗИЛа» – старого отцовского велосипеда, на который я пересел еще в детстве, как только перерос «Орленок». До сих пор помню, как каждую осень мы с отцом промывали все его подвижные части в керосине, смазывали солидолом и ставили на долгую зимнюю консервацию. Чтобы следующим летом достать его с чердака дома и, протерев насухо от лишней смазки, колесить по деревенским дорогам. Может быть, именно поэтому он дожил до наших дней, сменив покрышки колес и кожу синения, но служа верой и правдой, правда, уже не мне, а младшему брату. «Салют» тоже пережил эпоху перестройки, перекочевав из московского гаража на дачный участок, дожидаясь «светлого дня», когда руки его владельцев, то есть нас, до него дойдут.

Тогда же это было единственное средство передвижения, доступное для студентов, которое мы специально привезли с собой на дачу, планируя путешествие.

Был июль месяц, жили мы на вновь приобретенном участке в палатке, поскольку дом еще не был построен, и оставить собаку просто было негде.

– Надо взять его с собой, – сказала жена.

– Как, – удивился я, – рядом он вряд ли побежит, в брезентовом рюкзаке долго мы не проедем, он всю спину мне испинает? К тому же, и другие вещи надо куда-то положить.

И тут меня осенило. В то время одним из самых популярных рюкзаков для туристов был станковый рюкзак «Ермак». Кроме мощной станины, которая прекрасно разгружала спину, он разделялся на два отсека, верхний и нижний, с помощью брезентовой перегородки на пуговицах.

И вот, в нижнюю часть рюкзака я уложил все вещи в дорогу, а в верхнюю посадил собаку. Места для Арчи там было явно недостаточно, и он высовывался из неё более чем на половину своего роста. Чтобы собака не выскочила или не вывалилась через край, она была привязана поводком к станку рюкзака. Когда я взгромоздил всю эту конструкцию на плечи, Арчи оказался сидящим выше меня на целую голову. Он, как вперед смотрящий на мачте корабля, возвышался надо мной, над велосипедом и над дорогой, и гордо смотрел на проезжающие мимо автомобили. Водители же сбрасывали скорость и приветствовали его и нас клаксонами своих автомобилей. Мы смеялись и махали им в ответ.

«Тюлень»

Куда бы мы не ехали, любое наше путешествие начиналось и заканчивалось московской подземкой. Арчи чувствовал себя в ней весьма комфортно. Через турникет метрополитена он, как правило, въезжал в рюкзаке у меня на плече. В том же виде спускался вниз по эскалатору. Если у меня за спиной был большой рюкзак с вещами, который оттягивал плечи, то, оказавшись на станции метрополитена, я выпускал пса и брал на поводок. Если нет, то он продолжал путешествие прямо в рюкзаке.

В один из воскресных вечеров мы возвращались домой. Вагон был полупустой. Я поставил рюкзак с собакой на пол, а сам сел на сидение и достал книгу. Арчи спокойно улегся рядом, разбросав свои уши по утоптанному полу метро. Через какое-то время я заметил, что все немногочисленные пассажиры вагона смотрят в нашу сторону и смеются. Передо мною предстала следующая картина. Под одно из сидений напротив кто-то бросил горбушку белого хлеба. Арчи ее увидел. Пропустить такое безобразие он никак не мог: еда и вдруг лежит без присмотра! Но лапы были скованы брезентом, и из рюкзака торчала только голова. Так, что быстро подбежать и схватить «добычу» он не мог. И пес пополз. Пополз, переваливаясь сбоку на бок и отталкиваясь плечами и «скованными» конечностями. Думаю, что если бы он мог, то помогал бы себе еще и зубами.

В этот момент пес чем-то напоминал тюленя, передвигающегося по суше, только ласт и не хватало. Ему оставалось проползти еще каких-нибудь сантиметров тридцать-сорок до желанного кусочка, но тут вмешалось провидение. Я засмеялся, поднял рюкзак и поставил его у себя между ног, грозно сказав «нельзя». Видели бы вы, какое разочарование читалось в глазах у собаки. Ведь счастье было так близко!

Еда и яма

Было у Арчи в жизни две страсти – еда и охота. Даже трудно сказать, какая из них превалировала над другой. Мне всегда казалась, что первая. Если Арчи не охотился, то он ел, если не ел, то охотился, но искал любую возможность, чтобы поесть. Мне казалось, что это мы по неопытности и незнанию стали причиной такого его поведения, когда баловали щенка разными лакомыми кусочками. Хотя многие охотники и говорили, что это естественное состояние для спаниелей. Затрудняюсь сказать. Расхлебывать же все плоды его вечного желания поесть приходилось нам.

Однажды мои друзья-охотники решили проверить, сколько еды он сможет съесть за раз. Пока я не видел, они скормили ему пятилитровую кастрюлю макарон с тушенкой. И он ее съел! На собаку было жалко смотреть. Она лежала на траве рядом с импровизированным столом, за которым закусывали охотники, и вальяжно смотрела на нас.

– Интересно, – сказал один из друзей, – на сколько его хватит, чтобы не просить есть?

Арчи хватило на двадцать минут. По истечении этого времени он поднялся, отошел за куст бурьяна, видимо, по нужде, после чего вернулся к столу и стал попрошайничать.

За все его происки, пожирание всякой гадости и помоечничество я был готов просто убить несносного кобеля. Как я этого не сделал за все годы нашей «совместной жизни», меня удивляет до сих пор. Но он стойко сносил гром и молнии в свой адрес, наслаждаясь утробным урчанием в своем животе, который раздувался до огромных размеров. За это свойство своего живота пес получил прозвище «кабачок» в одной из наших студенческих экспедиций. Прозвище это дали ему за форму тела, которое после еды раздувалось в задней своей части, принимая форму кабачка или тыквы-горлянки. Со своей страстью поесть с ним происходили самые разные истории, о каждой из которых стоит рассказать в отдельности.

Колбаса. «Лисица и виноград»

В тот же год, когда произошла велосипедная история, мы довольно долго жили в брезентовой двухместной палатке, стоящей посреди «шести соток». Единственным сооружением, которое тогда только начали строить, был сарай. Его остов, обитый досками, служил местом хранения практически всех дачных вещей, но был настолько мал, что вместить в себя еще и нас был просто не способен. Лето стояло жаркое, электричество на дачные участки провести должны были еще лет через пять. Так что продукты мы хранили в относительно холодной яме и сарае, но это не очень помогало, и они портились с катастрофической скоростью. Чтобы хоть как-то обеспечить сохранность мясо-колбасных изделий, мы стали коптить их на костре, на котором, кстати, и готовили свое пропитание. После термической обработки кругляши одесской колбасы и палки сырокопченого сервелата развешивались на торчащие балки сарая, чтобы проветриться и подвялиться.

И вот однажды вечером Арчи потерялся. Ни на свист, ни на призывы он не реагировал. Мы стали переживать. Скоро должно было стемнеть, и поиски молодого пса в темноте меня мало радовали. Я спустился к речке, которая протекала сразу под крутым берегом, ничем не отгороженным от дачных участков, сходил к сторожке, заглянул в березовую рощу. Собаки не было. Мы растерянно стояли у палатки посреди участка, оглашая окрестности громкими призывами, как вдруг я замелил легкое движение за сараем. И, заглянув за угол, обнаружил нашего потеряшку.

Арчи сидел за углом новостройки. Задрав голову он, как завороженный, смотрел на круг одесской колбасы, висевший на стропилах крыши на высоте около двух метров. Ни на какие призывы и окрики пес не реагировал. Колбаса его загипнотизировала, как удав кролика.

– Да, Арчи, – сказал я, обращаясь больше к себе, чем к нему, – чутье не купишь и не подаришь. Оно либо есть, либо его нет. Вот если бы ты еще и лапу поднял, то был бы настоящей легавой, а так – только «спаниель несчастный».

Яма

В тот год мы работали в экспедиции, стоящей лагерем в одном из заброшенных домов отдыха на берегу реки Волги. По другому берегу Иваньковского водохранилища, весьма широкого в этой части, гудела вечным автомобильным потоком трасса Москва-Санкт-Петербург, постоянно напоминая о близости цивилизации. Экспедиция была детская и, в основном, состояла из юннатов кружка Зоомузея Московского университета, которые не только изучали растительный и животный мир окрестных лесов и болот, но и сами обеспечивали свой быт. Каждый день в столовую на дежурство заступала новая бригада из трех детей, которая готовила пищу, а потом мыла посуду и убирала со стола. Это всегда была и остается по сей день обычная практика во всех детских экспедициях. Мы же работали там преподавателями и помогали детям по мере возможности. Как вы догадываетесь, детям не всегда удавалось приготовить вкусную и здоровую пищу, и ее остатки в немалых количествах сливались в ямы, вырытые в земле на глубину около метра. Благо, лагерь располагался в сосновом лесу, а грунт был песчаный и податливый, что позволяло за время экспедиции вырыть несколько таких ям. Заполненные отходами ямы пересыпались септиками и закапывались. Пока же яма не заполнилась целиком, она оставалась в открытом доступе. Да простят мне такое подробное описание мои брезгливые читатели, но без этого все мое дальнейшее повествование не имело бы никакого смысла.

Я в тот год из-за особенностей своей работы не мог оставаться с экспедицией все время и появлялся наездами. Моя же жена Ольга и десятилетний сын Олег находились там постоянно. Арчи, пока все были заняты делами, обычно оставался дома, но иногда был предоставлен сам себе. В один из таких дней Арчи пропал. Был разгар рабочего дня, поэтому заниматься его поисками было некогда. Убегал он не в первый раз, но всегда возвращался после обследования территории лагеря и окраин деревни. В этот раз его отсутствие затянулось и уже начало вызывать беспокойство, когда вдруг пришли смущенные дежурные.

– Ольга Владимировна, – затянули они, – мы не знаем что делать. Там Арчи…

– Что случилось? Где?

– В яме. Он кашу ест, а нам надо туда остатки обеда сливать.

Ольга устремилась вслед за детьми к столовой. Ее взору предстала картина, вызывающая и смех, и слезы, и негодование. Посреди метровой ямы, по самую грудь в каше стоял счастливый спаниель и ел. В его глазах читалось счастье и растерянность одновременно: сбылась его мечта – море еды! Но еда эта уже не помещалась у него в животе, и он не знал, что делать. В этот момент он поднял глаза и, поняв, что обнаружен хозяйкой, начал есть еще быстрее, стараясь заглотить как можно больше. Осыпаемый проклятьями Арчи был извлечен за шиворот из ямы и поставлен на землю рядом с ней. Однако представлял довольно жалкое зрелище: вся его красивая шерсть с шикарным подвесом была облеплена кашей и прочим содержимым помойной ямы. Не говоря уже об амбре, которое он распространял вокруг. Вести домой пса в таком виде было нельзя. Ольга прикрепила поводок к ошейнику собаки и повела его мыть на реку, которая протекала всего в каких-нибудь 100 метрах от лагеря. Приблизившись к водоему, Арчи вдруг понял: «О, ужас! Его ведут топить»! Он уперся всеми четырьмя лапами и начал сопротивляться. Последние метры до берега дались с большим трудом. И все время, пока его мыли, он стремился вырваться и убежать. Но мало того, что собаку надо было намылить, мыло нужно было еще и смыть. Вопрос был решен просто. Хозяйка прогуливалась по мосткам причала, направляя поводком намыленную собаку вокруг него. Вариантов у Арчи не было, приходилось плыть.

Стоило же хозяйке на секунду отпустить кобеля, что бы дать ему возможность отряхнуться, как он попытался кинуться обратно к вожделенной яме, но не тут-то было. На поводке он был сопровожден к домику, в котором мы жили. И вот тут возникла дилемма. Собака была

абсолютно мокрой, но оставить ее на улице сохнуть было нельзя – она вновь убежит к яме. Если же запереть ее в домике, то станет мокрым все, до чего она сможет дотянуться и вытереться – одеяло, простыни, одежда. И тогда Ольге пришла идея ускорить процесс сушки. Она взяла фен для волос и стала сушить недовольного пса. К моменту, когда его шерсть стала сухой, Арчи был похож на лопоухий шерстяной шар, из которого глядели два непокорных глаза.

Остальную часть дня пес провел на поводке, пристегнутым к крыльцу дома, переваривая добытую в недрах земли кашу и дожидаясь, когда шерсть примет свой первоначальный вид.

Поэтажник или подбалконик?

В течение четырех лет наша молодая семья прожила в прекрасном зеленом академгородке Пущино, расположенном на высоком берегу Оки. Конечно же, Арчи жил с нами. Парк зеленой зоны, отделяющий институтские здания от жилых домов, широкая пешеходная аллея, пересекающая весь город от края до края, множество спортивных и детских площадок и, конечно же, огромная пойма реки Оки – все это делало город Пущино настоящим раем для молодых семей с детьми и собаками.

Гуляли мы, обычно, все вместе: мы с женой, ребенок в коляске и собака. Арчи был собакой вольной и с большим неудовольствием ходил на поводке. Да я и сам предпочитал, чтобы собака спокойно гуляла рядом, без поводка, чем отрывала мне руку своими постоянными рывками. Это вполне устраивало Арчи, и он неусыпным взглядом следил за хозяином. Стоило мне хоть ненадолго отвлечься, как пес исчезал. А дальше начинались бега наперегонки. Пес отлично знал все городские злачные помойные места, где сердобольные жители оставляли вкусненькое для кошечек и собачек. И начинал планомерно их обходить. Я же старался перехватить его на одном из таких мест. Не могу сказать, что мне это часто удавалось. В большинстве случаев Арчи выходил в этом соревновании победителем. Я возвращался домой, а через пару часов начинал поиски своей собаки по общежитию, в котором мы жили.

Надо отдать должное уму и сообразительности моего пса. Нагулявшись, он всегда возвращался в наш дом и, зайдя с кем-нибудь из жильцов в лифт, поднимался на первый попавшийся этаж. Там он шел к двери, за которой, по его мнению, располагалась наша квартира, и спокойно засыпал на коврике возле нее в ожидании, когда его найдут. Моя же цель была обнаружить собаку на этом коврике. Для этого я вызывал лифт, заходил в него и, останавливаясь на каждом этаже по очереди, выскакивал на прилифтовую площадку и смотрел вдоль по коридору, а нет ли там нашей собаки. Если ее там не оказывалось, то я ехал на следующий этаж. И так до момента обнаружения беглеца.

Но со временем Арчи понял, что его привозят не туда, куда нужно, и перестал ездить на лифте. В холодную погоду он заходил в вестибюль общежития и сидел там, ожидая меня. Чаще же всего просто бегал по площадке перед домом. Я выглядывал с балкона на улицу и обнаруживал свою собаку.

– Арчи! – грозно кричал я. – Сидеть! Жди!

Пес смотрел в мою сторону, садился и ждал, когда его заберут с улицы.

После возвращения домой Арчи обреченно выслушивал всю брань в свой адрес, был выдран и наказан на последующие несколько часов. Я же предвкушал беспокойную ночь, когда мне три-четыре раза прийдется выводить просящуюся на улицу собаку, которой очень плохо. И так повторялось с завидным постоянством, не взирая на наказания и побои. Это чем-то напоминало жизнь пьяницы или наркомана, который, зная о последствиях, не может противостоять своим желаниям и вновь, и вновь спешит к заветному источнику наслаждения, чтобы припасть к нему.

Банка

Даже на охоте Арчи никогда не упускал возможности перекусить. Особенно ему нравились стоянки туристов и грибников. Там всегда оставалось что-нибудь «вкусненькое». Во время охоты отследить его происки было сложно, да и незачем, пока он сам не оказывался заложником своей страсти. Впервые это случилось еще в первый год наших охот, когда молодая собака была застигнута за рытьем в помойке. Арчи, как ни в чем не бывало, попытался сделать вид, что он тут вообще не причем, а так, просто проходил мимо. Но пакет из-под кефира отказался слезать с собачьей морды и, как намордник, закупорил ее.

– Вот так и ходи, – сказал я пойманной с поличным собаке. И пошел к дому.

Наверное, не будь застигнутым на месте, Арчи попытался бы снять пакет лапой, но тут было дело принципа. И он в течение пары часов демонстративно ходил с пакетом на морде, стараясь постоянно попадаться мне на глаза. Как бы говоря: «Да, я попался, осознаю, но и ты давай, сними с меня этот предмет». В конце концов я сжалился над собакой и снял с него кефирное бремя, но за это время довольно поизмывался над ним, укоряя в непослушании.

В другой раз Арчи вышел из леса с консервной банкой на носу, которая своими острыми краями зацепилась за его морду, когда он ее туда засунул, и ему было не снять ее самому. Что было делать? Пришлось помочь. Ведь он сам пришел за помощью, хотя твердо знал, что его будут ругать.

Спринтерский день

В тот год они, как обычно, приехали в Деревню. Дни стояли теплые, и, хотя земля носила следы недавнего дождя, по дороге вполне можно было идти. Поля еще не начинали убирать и вокруг колыхались нивы овса и ячменя. Ветер, который, кажется, был постоянным жителем этих мест, пробегал по ним волнами, раскачивая наливающиеся колосья. С середины поля, приветствуя гортанными криками, поднялись журавли и медленно поплыли над головами.

Был конец августа. Березы только еще начинали желтеть, но зелень листвы и травы отгоняли мысли об уходящем лете. Почти два месяца в Вологодской области стояла жара, но первые дожди были такими обильными, что сумели напоить землю. И в лесу вовсю полезли долгожданные грибы, а следом за ними и грибники, которые появлялись пешком, на машинах, на мотоциклах, на велосипедах и других средствах передвижения. Дичь, распуганная неожиданно нахлынувшими пришельцами, переместилась в более спокойные места. А охотники решили заняться своей любимой охотой – на коростеля.

Вышли рано утром, пока все домашние еще спали. Весь предыдущий день и всю ночь лил дождь, который закончился только под утро. Поэтому все кругом пропиталось водой настолько, что, казалось, нет такого места на земле, где могла бы спрятаться птица. Арчи шел рядом, но всем своим существом от кончика носа до кончика хвоста был впереди – в море воды, травы и запахов. Андрей зарядил ружье и пустил собаку в поиск. Уже после первых же петель пес стал мокрым, как мышь, но его пыл от этого не угас, и при его приближении раздавалось фырканье и хрюканье.

Вот он забеспокоился, почуяв дичь, и стал двигаться более энергично, а его хвостик начал описывать невообразимые фигуры. Было ясно, что птица только что была здесь, и ее запах очень волнует собаку. Андрей смотрел на своего четвероногого помощника, и ему казалось, что он сам чувствует этот запах, и тот манит его, зовет и сводит с ума. В этот миг они были не охотником и собакой, а чем-то единым, связанным одной страстью и целью. Поиск продолжался всего около минуты, а казалось, что прошла целая вечность.

Но птица явно не собиралась взлетать. Андрей переместился чуть-чуть вперед и тут же увидел коростеля. Нет, тот не взлетел, вытянув ноги и оглядываясь на возмутителей своего спокойствия, нет… Медленно и осторожно, вытянувшись вперед и проскальзывая между травинок, он вышел из-под небольшого кустика, к которому направлялась собака, и крадучись пошел в сторону канавы, заросшей травой и мелким ивняком. Все это происходило прямо у ног охотника. Что было делать? Стрелять с такого расстояния было бессмысленно. Можно было, конечно, попытаться спугнуть птицу, но если она не взлетела до этого, то и сейчас вряд ли захочет покидать безопасную траву. И тут в голову пришла шальная мысль: а что если поймать коростеля? Надо только протянуть руку и…

Андрей стал медленно приседать, вытягивая вперед руку, в сторону идущей птицы, а когда оставалось всего несколько сантиметров, сделал быстрое движение, стараясь схватить ее. Коростель, который медленно вышагивал у самых ног, пропал так быстро, что можно было подумать, что его вовсе не было. Только слегка качнувшиеся травинки убеждали, что он был здесь секунду назад.

Андрей подозвал собаку, пробирающуюся через кусты, и показал ей след, по которому она тут же убежала, хотя был уверен, что такой опытной птице, обманувшей их на открытом месте, ничего не стоит сделать это в густых зарослях.

В тот день ещё несколько раз Арчи начинал искать коростелей по пойме реки, но птицы, видимо, сильно намокшие от обильного дождя, не хотели взлетать, а может быть у них просто был спринтерский день…

Храп

Разъездная жизнь постоянно гнала нас из города. Дачи у нас на тот момент не было, а жить в городе с маленьким ребенком, да еще летом, было невыносимо. Одной из таких поездок были спортивные сборы в начале июня на Истринском водохранилище на базе отдыха «Былина». Что это была за база! Тот, кто застал ее расцвет, до сих пор вспоминает это время с восхищением! Под стать своему названию, она была словно из сказки. Рубленые дома, сделанные в сказочном стиле, сочетающиеся с современным оборудованием и интерьером, были сделаны одним человеком, который тогда и руководил базой, ее директором Анатолием Николаевичем. Собственно, он и сам чем-то напоминал сказочного персонажа: в старорусской одежде, подпоясанной кушаком, с длинной седой бородой и такими же волосами, стянутыми «хайратником» (кожаным пояском на волосах на уровне лба). Он строго следил за бытом на своей базе, но с удовольствием принимал участие в наших с детьми тренировках, предлагая иногда довольно неординарные идеи.

Мы приезжали на базу еще до общего заезда отдыхающих, и пока домики реанимировали после зимы и готовили к приему гостей, жили в общей комнате, выделенной нам добрым директором. Спали мы прямо на полу, расстелив туристические коврики и спальники. Наш режим был довольно прост: подъем, зарядка, завтрак, тренировка, обед, тихий час, тренировка, ужин. Арчи был с нами везде. Когда же мы ложились спать, будь то ночной сон или послеобеденный отдых, он с удовольствием укладывался рядом на свой коврик и тоже предавался сну.

В один из таких дней, во время тихого часа, Арчи лег на свой коврик и буквально через несколько минут заснул богатырским сном. Комнату огласил громкий мужской храп. Все стали подниматься со своих мест и огладываться друг на друга, пока не обнаружили источник.

– Так вот, кто храпел! – вскричали мальчишки.

– А мы-то всю ночь пинали друг друга, чтобы храп затих, а оказывается тут все дело в собаке!

– Ну, что вы хотите, – возразил я, – у животного нормальный здоровый сон. – Вы бы меня спросили, кто храпит? Я бы вам сразу сказал.

Арчи же, совершенно не обращая на нас внимания, продолжал мирно похрапывать на своем коврике. С возрастом его храп пропал, но способность засыпать, как и чутко просыпаться в любой момент, он сохранил до самой старости.

Наводнение

Во всей своей кочевой жизни мне очень часто приходилось выезжать туда, где охотничьему псу делать было совершенно нечего. И, конечно, Арчи оставался на попечении моей любимой жены, которой приходилось не только ходить на работу, заниматься домашними делами и воспитывать ребенка, но и следить за непредсказуемой собакой, которая в дни моих разъездов чувствовала себя привольно. Но как бы не вел себя наш наглый и упрямый кобель, одно он знал твердо – если что, ему придут на помощь.

К тому времени мы уже жили в большой квартире на Садовом кольце, и пес спал на коврике в коридоре, где был полноправным хозяином. Но правило, усвоенное еще в молодости, что от падающих предметов надо убегать подальше, он никогда не нарушал. Если же ему не удавалось спастись, то у пса начиналась настоящая паника.

В тот мой отъезд в квартире над нами случился пожар. Да такой мощный, что боясь возгорания деревянных перекрытий старого дома сталинской постройки, пожарные прорубили пол в квартире, расположенный выше горящего помещения, и стали заливать огонь сверху. Вода была везде: она стекала с потолка двух комнат и коридора и ровным слоем растекалась по полу, откуда отчаявшиеся жильцы, а именно моя жена со своей мамой (больше было просто некому), собирали ее тряпками в ведра. Все соседи из соседних квартир были эвакуированы на улицу, а моих близких просто забыли – их никто даже не предупредил. Поэтому они боролись со стихией.

Единственная комната, которая оказалась сухой, это та, где спал наш маленький сын. Ни вода в коридоре, ни топающие и кричащие на лестничной клетке пожарные, ничто не могло разбудить беззаботно спящего ребенка.

Арчи первый ощутил неладное и в испуге метался по квартире, скулил и искал спасения у хозяев. Первое, что попытались сделать, это выгнать его на кухню, но и там он нервничал и беспокоился. Делать было нечего. Как бы не хотелось пускать его в комнату, где спал ребенок, и он своими воплями мог его разбудить, но пришлось это все-таки сделать. Это оказалось единственно правильным решением. Пес тут же почувствовал себя в безопасности. Еще бы, ведь здесь было сухо и тепло, а с потолка ничего не капало. Он нашел удобный уголок между шкафом и диваном и заснул, как ни в чем не бывало.

Ружье

Натаской Арчи я решил заниматься самостоятельно. Во-первых, отдавать в натаску собаку опытному натасчику мне не хотелось да, честно говоря, финансы бедного студента этого не позволяли. Во-вторых, как собственно, и в-третьих, и в-четвертых, начитавшись охотничьей литературы я был уверен, что справлюсь с этим сам. И действительно справился. Так, что если бы мы решили участвовать в испытаниях, то диплом нам был бы обеспечен. Но я совершенно не интересовался племенной работой. Главным для меня была охота, и я готовил собаку именно к ней. Сам готовил, сам и портил. Именно с тех лет я на своей шкуре прочувствовал достоверность поговорки «Готовит к охоте собаку натасчик, а портит охотник».

Правила испытаний требовали, как я вычитал из книг, для подружейных собак, и не важно, спаниели это или легавые, оставаться на месте после взлета птицы. И именно этого я добивался от Арчи натаской и этого требовал с первого дня наших совместных охот. Но охотничья страсть, кипевшая в нашей молодой крови, как моей, так и собачьей, очень мешала этому. Стоило взлететь найденной птице, как и я, и Арчи напрочь забывали все, о чем так красиво пишут в учебниках. Я уже не особо смотрел, что делает моя собака и думал только о выстреле. А пес, забыв все, чему его учили во время натаски, сразу после выстрела радостно срывался с места за взлетевшей птицей, чтобы подать. Ему было совершенно не важно, упала она или нет. Он твердо верил, что хозяин не промажет, и весьма разочарованный возвращался назад, если я промахивался. И хотя он твердо знал, что после такой пробежки его обязательно накажут, каждый раз страсть брала свое! Чего я только не делал, чтобы исправить этот его недостаток, пока не смирился и стал просто получать удовольствие от совместной охоты.

Но в начале я пытался бороться. В одну из своих поездок на охоту я решил в очередной раз заняться воспитанием молодой собаки. Я набил около десятка патронов только порохом, без какого-либо снаряда, пули или дроби, и вышел в поле. Благо, луга тогда начинались прямо за домом, и искать птицу особенно было не нужно – коростеля и дупеля было в достатке.

Деревня, окруженная когда-то высоким лесом, уже давно превратилась в одинокий оазис, стоящий посреди полей. От нее до ближайшего леса было метров триста или четыреста, и в те годы, когда земля отдыхала от тракторного плуга и бороны, она покрывалась ковром луговых трав, среди которых находили пропитание и спасение множество представителей пернатого царства.

Выпущенный на волю Арчи довольно быстро нашел птицу. И пока корда (длинный десятиметровый шнур) была пристегнута к его ошейнику, сдерживался от гоньбы за ней. Он был очень умный кобель и прекрасно понимал, что рука хозяина всегда остановит его с помощью этой веревки. Поэтому, как паинька, делал все правильно, не вырывая веревку из рук. Я был очень доволен: вот, собака, наконец-то, поняла меня и никуда не бежит после холостого выстрела!

Я отстегнул корду и отпустил Арки в поиск уже без нее. Вот он причуял птицу, вот вышел на «потяжку». Я приблизился, как можно ближе и, стоило птице взлететь, скомандовал ему: «Сидеть!» Арчи послушно остался на месте. Выстрел! И вот он, почувствовав свободу от хозяйской длинной веревки и всего того, чему его учили, бросился за низко летящим над лугом дупелем, пристроившись к нему в хвост.

– Нельзя, Арчи! – крикнул я. – Сидеть!

Никакой реакции. Пес видел только птицу, а та летела все дальше и дальше.

– Арчи, ко мне, ко мне! – продолжал звать я. Скинул с плеча мешающие мне бежать ружье и ягдташ, бросил на траву и побежал догонять непослушную собаку. Та уже бросила бежать за улетевшим куликом и теперь носилась по полю в поисках другой птицы, делая вид, что она очень занята, но не желая подходить к хозяину зная, чем это чревато.

Не сразу, но я догнал неслуха и схватил за ошейник. Он получил полную порцую эмоций и нагоняев и виновато поплелся на поводке позади.

И тут я осознал, что не понимаю, где на огромном лугу искать ружье и сумку. Травка совсем невысокая, но луг настолько большой, что я стоял в растерянности.

– И что теперь делать? – обратился я то ли к самому себе, то ли к собаке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.